

Наталья Бичурина

«Как говорят утки?»

Мотивация выбора языка и переключения кодов при франко-русском общении в Петербурге

При общении людей, для которых родными являются разные языки, очевидным образом встает вопрос выбора языка общения. Как правило, в рамках анализа межкультурной коммуникации рассматриваются ситуации, когда лишь один из собеседников владеет языком другого и, соответственно, он может столкнуться с рядом проблем, связанных с использованием неродного языка. В центре внимания данного исследования, напротив, ситуации, где все собеседники свободно говорят на языке друг друга: речь идет об общении русских и французских сотрудников французских организаций в Петербурге. Делается попытка выявить механизм и мотивацию использования языков и переключения кодов в процессе речевого взаимодействия высококомпетентных билингвов с разными первыми языками. Основным методом исследования был метод включенного наблюдения (2006–2010 гг.) в ситуациях разной степени формальности: общение во французской организации по рабочим вопросам на рабочем месте; общение на отвлеченные темы на рабочем месте; нерабочие встречи на высоком уровне; неформальные встречи с французскими и русскими участниками. Материалы наблюдений дополнялись интервью в виде неформальных бесед на тему языковых предпочтений.

Однажды в конце августа коллега-француз пригласил меня пообедать. Из-за большого количества работы я отказалась, на что он заметил, что, возможно, это к лучшему — он пообедает с семьей: «Нужно проводить больше времени дома, я же не хочу остаться, как это? Сапожник без сапог». Я удивилась: у него рус-

ская жена и две дочки, одной из которых на тот момент было три года, другой пять лет, обе родились и всегда жили в Петербурге, однако ходили во французскую школу, дома смотрели французские мультфильмы, играли во французские настольные игры, читали французские сказки (показательно, что пятилетняя девочка, хотя и умела строить грамматически корректные высказывания на русском языке, используя довольно широкий запас лексики, не знала ни одного русского детского стихотворения). Я указала коллеге на то, что его дети прекрасно говорят по-французски. В ответ он рассказал мне о произошедшем накануне конфликте. Он спросил у своей трехлетней дочки (далее цитаты в его пересказе): «*Que font les canards?*» («Как говорят утки?») Она ответила: «Кря-кря». Он возразил: «*Mais non! Les canards font coin-coin!*» («Да нет же! Утки говорят куанкуан»). «Кря-кря!» — возразила в ответ девочка. Казалось бы, какая разница? Зачем так расстраиваться из-за того, крикают утки или «куанкуан» — ведь на самом деле они не делают ни того, ни другого! В выборе языка для девочки сыграло роль то, что русская мать, преподавательница петербургского вуза, весь август провела с детьми на даче, а француз-отец мог видаться с ними только на выходных. Позже, в процессе языковой социализации, наблюдая за поведением взрослых, девочка наверняка поймет, в каких ситуациях утки говорят кря-кря, в каких *coin-coin*, и зачем иногда, начиная с *coin-coin*, они вдруг переходят на кряканье или наоборот.

На эти же вопросы мы постараемся ответить на примерах франко-русского общения сотрудников французских организаций в Петербурге (разумеется, общение в семье будет отличаться от общения на рабочем месте или в кругу друзей, однако некоторые механизмы будут общими): когда и французы, и русские свободно говорят на двух языках, чем определяется выбор французского или русского языка общения, как и зачем происходит смена языков в процессе разговора?

Вначале мы рассмотрим правила выбора языка общения, а затем обратимся к ситуациям переключения кодов.

Выбор языка общения

Рассмотрим простой пример общения во французской организации:

[1]

Француз: *Bonjour*.

Русская 1: *Bonjour*.

Русская 2: *Доброе утро*.

Француз: *Доброе утро. [пауза] Vous avez des yeux fatigués ce matin [У Вас усталые глаза сегодня утром].*

Из этого мимолетного обмена репликами, а именно из того, что реплики 1–2 произнесены по-французски, а 3–4 (до паузы) по-

русски, можно сделать ряд выводов о социальной структуре и месте в ней участников разговора. Француз здоровается по-французски по двум причинам: во-первых, фактор институционального контекста (общение во французской организации) практически всегда оказывается важнее того, что разговор происходит в России; во-вторых, важную роль играет статус говорящих. Француз занимает высокое положение в рабочей иерархии, русская 1 — более низкое. В связи с этим именно она подстраивается под него, а не наоборот (см. работу [Giles, Powesland 1997] о теории аккомодации). В данном случае фактор статуса говорящих коррелирует с институциональностью контекста, однако это не всегда так (обратный случай — французские стажеры, находящиеся в подчинении у русских руководителей секций: тогда важнейшим оказывается институциональный контекст). Вторая русская «может себе позволить» поздороваться по-русски: очевидно, что она чувствует себя гораздо более уверенно, чем первая — либо она дольше работает в организации, либо занимает в служебной иерархии более высокую позицию (в действительности и то, и другое).

Отметим, что асимметричное общение на русском редко бывает долгим — в данном примере француз, ответив из необходимости соблюсти парность реплик по-русски, после паузы переходит на французский язык. Часто те, кто «позволяет себе» говорить по-русски, произносят лишь несколько слов, однако этого оказывается достаточно для поддержания символического баланса между языками (в первую очередь баланса между утверждением своей русской идентичности и проявлением уважения к идентичности партнера по коммуникации). Количество и длина реплик на русском языке и у русских, и у французов зависят от речевого жанра: в непринужденной беседе не по работе может быть много длинных вставок на русском языке, тогда как в наиболее регламентированном жанре — докладе на служебном собрании — их количество минимально, и по длине все ограничивается репликами вроде *да, хорошо*. Переход на русский язык подобен переходу на «ты» — и по смыслу (сближающая стратегия), и по необходимым психологическим затратам: не случайно начало общения на «ты» и общения на русском языке часто совпадают; тем не менее, немного говорить по-русски можно и с теми, с кем непозволительно общаться на «ты».

Что касается парности реплик 1–2 и 3–4, заметим, что, как показывают наблюдения за общением в организации, принцип парности является важнейшим структурным принципом общения на двух языках, причем в данном случае под парностью мы понимаем не просто следование приветствия за приветствием, ответа за вопросом, как это понимается обычно [см.: Schegloff 1991; Schegloff, Sacks 2000], а ответ на том же языке. Разумеется, принцип парности может нарушаться, но такое нарушение всегда маркировано.

Приведем еще один пример:

[2]

Француз: *N. [имя]*Русская 1: *Oui ?*Француз: *Je ne sais pas, si je vous ai déjà demandé <...> [Я не знаю, спрашивал ли я Вас уже...]*Русская 1: *[разговор на французском языке о работе]*Русский 2: *Вы будете шоколад?*Француз: *Нет. Шоколад утром! И потом, сегодня не воскресенье!*Русский 2: *А что, можно только по воскресеньям?*Француз: *Ну да. Тем более сейчас пост.*Русская 1: *А в пост нельзя есть шоколад?*

В беседе четыре участника. Изначально происходит два разговора: француза с первой русской и двух русских (русский 2 и еще одна русская сотрудница), — один из которых на французском, другой на русском языке. Затем они сливаются в один (реплика 5). Почему француз обращается к русской 1 по-французски, когда он прекрасно говорит по-русски? Почему она отвечает ему по-французски? Почему второй русский обращается к этому же французу по-русски? Почему француз с ним говорит по-русски, и наконец, почему в конце этого отрезка разговора первая русская спрашивает француза по-русски, хотя до этого говорила с ним по-французски? Ответы на эти вопросы позволят нам увидеть дополнительные смыслы, которые присутствуют в разговоре, кроме обсуждения рабочих вопросов и уместности шоколада утром в рабочий день.

Выбор французского языка первыми двумя говорящими вызван сразу несколькими факторами. К уже упомянутым факторам институционального контекста и статусных отношений между участниками добавляется фактор темы разговора (на рабочие темы разговор почти всегда ведется по-французски). Фактор темы соотносится с тем, выступает ли француз в роли начальника или в роли хорошего знакомого (см. различие *публичный персонаж / частный персонаж* в работе [Goffman 1967]). Почему же второй русский сотрудник обращается к французу по-русски? С одной стороны, тема общения в этом случае не рабочая: некоторые другие сотрудники уже поэтому могли бы выбрать русский язык. Однако положение русского 2 значительно ниже положения первой сотрудницы. Решающим фактором в случае этого сотрудника является отношение к французскому языку: «У меня французский язык вызывает отторжение», — однажды признался он (по роду деятельности ему не обязательно хорошо владеть французским языком, хотя, разумеется, шоколад он мог бы предложить и по-французски). Француз отвечает по-русски для соблюдения парности реплик. Значимость этого принципа подтверждается в последней реплике русской 1: на фразу француза, произнесенную по-русски (в контексте трех предыдущих русскоязычных реплик), она реагирует по-русски, хотя для нее это отнюдь не типичный языковой выбор.

Нетипичный для говорящего языковой выбор, если он не вызван структурой дискурса, часто свидетельствует об иронии. Например, французский начальник протягивает бумагу русской подчиненной и, подождав, пока она с ней ознакомится, спрашивает:

[3]

Француз: *Ясно?*

Русская: *Ясно.*

Очевидно, что выбор русского языка в данной ситуации маркирован.

Важно отметить, что ситуации языкового выбора и переключения кодов различаются по степени осознанности. Рассмотрим пример: во франко-русской группе, где одна русская не владеет французским языком, француженка-начальник произносит речь по-французски. После паузы она продолжает по-русски: *А еще вы знаете — oh pardon j'ai parlé français! (О, извините, я говорила по-французски!)* Выбор французского языка изначально был неосознанным («по привычке»), а затем, в приведенной фразе, вызван высокой степенью спонтанности высказывания: сознательно выбрав русский язык и внезапно осознав, что до этого говорила по-французски, говорящая извиняется по-французски.

Так в устном общении в организации обнаруживается регулярная зависимость языкового выбора от статусных отношений между участниками коммуникации: выбор языка, родного для собеседника, характерен для сотрудников, занимающих более низкое положение в служебной иерархии. В то же время, в некоторых случаях более сильным фактором языкового выбора оказывается отношение к языку — как в узком понимании (какой-то язык «приятен», какой-то «вызывает отторжение»), так и в широком (выбор языка является способом утвердить свою культурно-национальную идентичность или проявить уважение к идентичности собеседника). Кроме таких в определенной степени устойчивых переменных, формирующих типичные языковые предпочтения, как положение в служебной иерархии, с одной стороны, и отношение к языку, с другой, выделяется ряд ситуативных факторов. К ним относятся жанр дискурса (непринужденная спонтанная беседа / служебное собрание), тема (рабочая / личная) и, в значительно меньшей степени, место разговора (в кабинете на рабочем месте / в коридоре, холле / вне организации). Эти факторы влияют на степень формальности речевого взаимодействия, а при формальном общении безусловное предпочтение отдается французскому языку: определяющую роль играет институциональность контекста. Различие формального и неформального общения коррелирует с различием ролевого и личностного типов коммуникации. Представление об этих нормах (осознанное в большей или меньшей степени) разделяется всеми членами данной группы, которую можно определить как так называемую *community of practice* — общность, объединенную на основании совместной деятельности [Eckert 2006].

Процесс речевого взаимодействия двуязычных говорящих организован рядом структурных правил. Регулярность соблюдения принципа парности реплик такова, что этот структурный фактор организации самого дискурса зачастую оказывается более сильным, нежели все вышеперечисленные.

Переключение кодов

Наличие в репертуаре говорящих двух кодов способствует организации общения. Переключение кодов используется для маркировки этапов организации речевого взаимодействия. Так, русские фразы вроде *хорошо; ну ладно; ладно; всё, спасибо; ладно, давай* являются типичными маркерами завершения разговора, ведущегося по-французски. Причем этот механизм используется всеми членами данной группы, как русскими, так и французами. Пример формального общения:

[4]

Француз: *Je vous envoie le contrat; vous mettez la date — du 1 avril jusqu'au 31 août et l'imprimez sur le papier à entête. Хорошо? [Я отправляю Вам контракт, Вы ставите дату — с 1 апреля до 31 августа, и печатаете на официальном бланке. Хорошо?]*

Русская: *Хорошо.*

Здесь именно французский говорящий (притом начальник) проносит «Хорошо?» — сигнализируя начало завершения разговора.

В симметричных неформальных отношениях переключение кодов часто происходит при введении новой темы разговора:

[5]

Француз: *Как здесь? Наверно, ужасно, но ты не скажешь?*

Русская: *Почему ужасно? Очень хорошо. Замечательно. [пауза]*

Француз: *Et ta thèse ? [А твоя диссертация?]*

Интересно, что в неформальном разговоре между двумя французами также используются русские слова вроде *вот* в конце темы, *пока* или *пока-пока* в конце разговора.

Правило «новая тема на новом языке» типична для франко-русского общения при симметричных отношениях, хотя это правило действует не всегда. Встречается и переключение кодов в ходе разговора на одну и ту же тему. Наиболее существенным является не момент, а сам факт использования обоих языков. Здесь действует мотивация поддержания символического языкового баланса: видимо, переключение кодов происходит во избежание ощущения перевеса в сторону одного языка. Определенную роль играет и прагматическое удобство: речь идет о вполне типичном для билингвов различии компетенции в языках (отдельные пласты лексики известны только на одном языке; что-то проще сказать на одном языке,

а не на другом). Тем не менее, роль прагматического удобства не существенна ввиду того, что большинство сотрудников свободно говорят на обоих языках.

Наконец, встречается переключение кодов для выражения экспрессии: например, произнесение по-русски *вообще уже, кошмар!* в конце франкоязычной фразы француженки.

Таким образом, во франко-русском общении выявляются различные функции языкового выбора и переключения кодов: дискурсивные (существует ряд строгих структурных правил, организующих процесс речевого взаимодействия двуязычных говорящих — регулярное соблюдение принципа парности реплик, переключение кодов для маркировки завершения определенной темы или разговора); символические (утверждение себя как сотрудника французской организации, утверждение своей (национальной) идентичности / проявление уважения к идентичности собеседника, утверждение аффективных языковых предпочтений); экспрессивные; гораздо реже — прагматические (выбор наиболее удобного языка).

В рассмотренной ситуации, когда все свободно говорят на двух языках, языковой выбор, как правило, не случаен, а передает определенные социальные смыслы. При этом важно отметить, что эти смыслы не являются культурно специфичными: речь идет именно о единой речевой культуре, культуре данной *community of practice*, где участники общения одинаково используют языки (иначе говоря, играют в одни и те же языковые игры в понимании Л. Витгенштейна [Витгенштейн 1985], будь их первый язык русский или французский. Наличие в их репертуаре двух кодов, французского и русского, не только не затрудняет коммуникацию, но и привносит в нее дополнительные смыслы.

Возвращаясь к примеру с утками, заметим, что дети не всегда умеют вычленять из разговора социальные смыслы — они замечают лишь одинаковое значение высказываний на разных языках; взрослые же умеют это делать и успешно этим пользуются. Потому для взрослых вопрос о том, говорят ли утки *кря-кря* или *coin-coin*, имеет принципиальное значение.

Библиография

- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 79–128.
- Eckert P.* Communities of Practice // Encyclopedia of Language and Linguistics / K. Brown (ed.). Amsterdam, 2006. P. 683–685.
- Giles H., Powesland P.* Accommodation Theory // Sociolinguistics: A Reader / N. Coupland and A. Jaworsky (eds.). London, 1997. P. 232–239. [reprinted from: Giles H., Powesland P. A Social Psychological Model of Speech Diversity // Giles H., Powesland P. F. Speech Style and Social Evaluation. N.Y., 1975. P. 154–170]